

УДК 811.113'25

Е.А. Митюкова

ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА ОСНОВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются основные аспекты перевода синтаксических конструкций латинского языка на русский или белорусский языки с учетом специфики построения текста оригинала и перевода. Центральным элементом исследо-

вания становится дифференциация прагматики перевода с учетом уровня синтаксического членения конструкции оригинального предложения. При этом автор подчеркивает специфику латинского языка как языка «мертвого», у которого

отсутствует речевой фактор структурной организации. С опорой на тексты классических латинских авторов, а также авторов новолатинской белорусской литературы, рассматривается прагматика перевода падежных конструкций, синтаксических конструкций внутри простого предложения и специфика трансформации сложноподчиненных предложений. Автор предлагает алгоритм использования лингвистических средств с целью оптимизации процесса межъязыковой трансформации художественного текста. Подчеркивается необходимость как учета формального аспекта перевода, так и принципов передачи денотативного компонента текста.

Процесс трансформации синтаксических структур является важным компонентом в переводе художественного текста как на собственно лингвистическом, так и экстралингвистическом уровнях. Однако в работах по теории и практике перевода этот вопрос рассмотрен недостаточно полно. Возможно, это связано с наличием глубоких внутренних связей синтаксиса с грамматикой и лексикой, переводу которых уделялось должное внимание. Во второй половине теоретические разработки на эту тему заняли должную позицию в ряде филологических наук. Некоторые ученые занимались непосредственно теорией перевода и достигли на этом поприще выдающихся результатов (В.С. Виноградов, Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Т.А. Казакова, В.Г. Красильникова, Л.К. Латышев и другие). Однако только в консолидации нескольких теорий можно сделать объективный вывод, дать конкретную характеристику переводу.

В современных теоретических разработках по переводоведению так или иначе затрагивается проблема эквивалентности перевода. Выяснилось, что ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста через перевод невозможны. И это не означает, что перевод невозможен вообще, а только то, что перевод не есть абсолютное тождество с оригиналом. Таким образом, переводческая эквивалентность предусматривает достижение максимального подобия; теория эквивалентности – это теория возможного, исходя из максимальной компетентности переводчика.

Одной из наиболее ранних и авторитетных теорий, касающихся проблемы эквивалентности, является лингвистическая теория перевода Ю. Найды, в которой широко использован аппарат генеративной грамматики и компонентного анализа лексики. В процессе перевода, Найда использует два типа анализа: синтаксический и семантический. В основе его лежит представление о языке как о действующем механизме, который с помощью определенных правил может производить бесконечное число грамматически правильных высказываний из ограниченного количества ядерных предложений. Ядерные предложения представляют собой простейшие синтаксические модели данного языка и путем их трансформации создаются т. н. поверхностные структуры; или же те многочисленные синтаксические конструкции,

которые используются в реальной речевой практике. Фактически, грамматические трансформации являются перифразами того или иного высказывания [1, с. 53].

Отечественный ученый В.Н. Комиссаров определяет понятие о переводческих соответствиях и выделяет три типа: лексические, фразеологические и грамматические [2].

В.С. Виноградов полагает, что эквивалентность перевода подлиннику – понятие относительное. И уровень относительности может быть весьма различным. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от мастерства переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов и т. п. Он определяет эквивалентность как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [3, с. 18]. В.С. Виноградов полагает, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста.

Особо хочется отметить вклад в эту проблему выдающегося структуралиста Ю.М. Лотмана. Анализируя текст с формальной точки зрения, он определяет перевод как перекодировку и утверждает, что она «органически связана с проблемой эквивалентности. Вопрос этот приобретает особое значение в связи с тем, что эквивалентность элементов на различных уровнях является одним из основных организующих принципов поэзии и, шире, художественной структуры вообще. Ее можно проследить на всех уровнях, от низших (тропы, ритмика) до высших (композиционная организация текста)» [4, с. 97]. Ученый определяет эквивалентность двух типов: по отношению ко всей семантической системе и по отношению к лингвистической структуре, при этом первый тип наиболее характерен для поэтического текста. Кроме того, он выделяет особенности такого типа дискурса и считает, что «применительно к поэтическому тексту правильнее говорить не о точном переводе, а о стремлении к функциональной адекватности» [4, с. 99].

Мы в своем исследовании акцентируем внимание на структурных особенностях художественного текста, подвергающегося межъязыковой трансформации, так как в некоторых случаях именно неверно проанализированное синтаксическое построение предложения приводит к деформации семантического компонента текста. Несомненно, грамматические и лексические трансформации являются основой для реструктурирования текста, однако их взаимосвязь обеспечивает не только лингвистическое восприятие произведения, но и определяет то эстетическое воздействие, которое является от-

личительным компонентом художественного текста. По словам Ю. Лотмана «текст не представляет собой простую последовательность знаков в промежутке между двумя внешними границами. Тексту присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое» [1, с. 62]. При этом необходимо отметить наличие расхождений в синтаксисе прозаического и поэтического художественного текста. Поэтический текст, основанный на необходимости достижения эмоционального впечатления, предполагает большее отступление от правил синтаксиса. Кроме того, сложная синтаксическая структура предполагает, по нашему мнению, несколько вариантов художественного перевода, которые, в зависимости от близости к оригиналу, могут быть построены различно и, соответственно, различаться своими художественными свойствами.

Для достижения семантической и художественной эквивалентности при переводе художественного текста мы различаем несколько этапов использования синтаксических соответствий:

1) так называемое *синтаксическое уподобление* (синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру языка перевода с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе) можно считать точкой отсчета при перекодировке конструкции предложения, которая дает переводчику основу для дальнейшей работы с предложением и текстом;

2) при раскодировке иноязычного текста на промежуточной стадии мы говорим о приеме *синтаксического членения* (выделение основных грамматико-синтаксических узлов предложения и периода, которые должны переводиться на родной язык особым способом). Эти два этапа можно отнести к формальному уровню перевода. При завершении процесса перекодировки на этом этапе результатом будет лингвистически правильное построение предложения, однако для перевода художественного текста этого недостаточно;

3) третьим этапом перевода синтаксических структур необходимо предложить *синтаксическое преобразование* (построение предложения, периода, текста в зависимости от экстралингвистических требований художественного произведения при максимально возможном сохранении формы и смысла оригинальных синтаксических структур). Именно третий этап является самым трудоемким, он тесно взаимосвязан с выбором грамматических и лексических соответствий, зачастую определяет денотативную структуру текста и предполагает свободное владение ресурсами языков оригинала и перевода. При этом направление перевода синтаксических конструкций зачастую определяется структурой языка оригинала и степени ее упрощенности.

При рассмотрении современных европейских и славянских языков можно говорить о наличии в них схем, которые могут быть разделены по сферам употребления. В частности, синтаксис разговорного языка значительно отличается от возможностей литературного, а язык научной литературы синтаксически неравнозначен публицистической речи. В целом, синтаксис современных языков по большей части определяется использованием в коммуникации, чего нельзя сказать о «мертвых» языках, и, в частности, о латинском языке. Спецификой существования латыни является наличие на современном этапе только одного варианта языка – письменно-литературного, при этом относящегося по большей части к классическому периоду (язык расцвета словесности Римской империи), который продолжал использоваться даже после исчезновения носителей языка. Именно классическая латынь была основой письменной культуры Средневековья и изучалась жителями Европы вплоть до Нового времени. Варианты разговорного языка стали источником и материалом для образования романских языков. Трансформации христианского периода существования латыни в уже ее «мертвом» виде практически не исказили синтаксическую структуру языка, но произвели некоторые изменения в сторону упрощения по аналогии с новообразованными языками.

В белорусской литературе существует целый пласт произведений на латыни – так называемая новолатинская литература. Язык, используемый белорусскими писателями-латинистами, ориентирован на классические образцы, в первую очередь на трактаты Цицерона, и имеет очень мало признаков средневековой латыни. В связи с этим белорусские художественные тексты на латинском языке отличаются синтаксической и стилиевой усложненностью, стремлением к конструированию риторических фигур [2, с. 9]. По мнению исследовательницы Жанны Некрашевич-Короткой, произведения новолатинской белорусской литературы написаны в лучших традициях классического латинского языка и по уровню рецепции поэтического античного наследия приближаются к высшему уровню имитации – эмуляции, которая представляет собой своеобразное поэтическое соревнование, направленное на творческое осмысление античного наследия без его искажения [2, с. 97]. В связи с этим при рассмотрении специфики использования и перевода синтаксических структур в произведениях новолатинских писателей мы можем опираться на правила классического синтаксиса, обращая внимание на несомненно присутствующую семантическую и структурную специфику.

Применительно к латинско-славянскому переводу можно говорить о трансформации трех синтаксических уровней текста:

1) *Синтаксис падежей*. Данный аспект рассматривается на синтаксическом, а не грамматическом уровне, потому что зачастую перевод падежной формы внутри конструкции предполагает необычные варианты грамматического значения. Наиболее часто в таком случае используются синтаксическое уподобление и преобразование.

Вопрос функционирования падежных форм тесно связан с их ролью в предложении. При этом в большинстве случаев значение латинского и белорусского падежа совпадают, что облегчает понимание и перевод. Тем не менее, внутри предложения падежные формы могут вступать в отношения друг с другом и с другими словами и образовывать комбинации, не свойственные языку перевода. Основные случаи мы представим в виде таблицы 1.

Таблица 1.

Употребление и перевод падежных конструкций латинского языка

Состав падежной конструкции	Случаи употребления	Способы перевода
<i>Nominativus duplex</i> (двойной именительный) – состоит из двух именительных падежей: подлежащего и именной части сказуемого.	Употребляется только при глаголах с определенным значением.	Именительный подлежащего переводится именительным падежом (кто? что?), именительный именной части сказуемого – творительным падежом (кем? чем?). Однако, если глагол со значением <i>быть</i> стоит в настоящем времени, то переводится также двумя именительными падежами.
<i>Dativus duplex</i> (двойной дательный) – сочетание употребленных при одном глаголе датива, обозначающего действующее лицо, на пользу или вред которого совершается действие, и дательного падежа, обозначающего предмет, с помощью которого совершается действие.	Употребляется при глаголах <i>служить кому-либо чем-либо, являться для кого-либо чем-либо, а также при глаголах со значением <i>вменить (ставить) во что-либо, давать (посылать, оставлять, приходить и т. д.) с какой-либо целью.</i></i>	Форма, обозначающая действующее лицо, переводится дательным падежом (кому?), вторая форма переводится творительным падежом (чем?).
<i>Accusativus duplex</i> (двойной винительный) – состоит из винительного прямого дополнения и из предикативного винительного.	Употребляется при переходных глаголах со значениями <i>называть кого-либо кем-либо/каким-либо; считать кого-либо кем-либо/каким-либо и т. п.</i>	Форма прямого дополнения переводится винительным падежом (кого?), второй винительный переводится творительным падежом (кем? чем?).

Перевод конструкций, состоящих из двойных падежей, требует применения синтаксического членения, т. е. определения ядра конструкции и перевода ее компонентов в зависимости от значения управляющего глагола. Таким образом, перевод падежных форм в данных случаях определяется особенностями синтаксической структуры предложения, а не только их грамматическим значением [3].

2) *Синтаксис конструкций простого предложения*. Внутри латинского простого предложения существуют конструкции, не имеющие аналогов в современных славянских языках, которые позволяют семантически распространить предложение, не усложняя его структуру. Их перевод включает в себя процесс синтаксического членения и преобразования.

Построение простого предложения в латинском языке имеет некоторые особенности по сравнению с белорусским вариантом. Прежде всего нужно отметить, что латинское простое предложение в

силу четкой письменной фиксации литературной нормы всегда полное двусоставное. Кроме того, в латинском языке всегда должно присутствовать сказуемое, а в славянских языках глагол-связка может опускаться, чаще всего в настоящем времени. Построение простого предложения в латинском языке имеет свои особенности, которые обычно четко прописаны в грамматиках, но мы обратим на них внимание, т. к. именно знание этой специфики позволяет точно распознать синтаксическую структуру предложения.

1. В латинском языке порядок слов свободный, но сказуемое обычно стоит в конце предложения.

2. Слово, на которое падает логическое ударение, ставится в начале или конце предложения.

3. Подлежащее, выраженное личным местоимением, обычно опускается.

4. Именная часть сказуемого всегда ставится в именительном падеже.

5. При прямом порядке слов группа подлежащего находится в начале предложения, группа сказуемого – в конце предложения.

6. Прямое и косвенное дополнение ставится перед управляющим глаголом-сказуемым, причем косвенное дополнение ставится перед прямым дополнением.

7. Согласованное определение, выраженное прилагательным или притяжательным местоимением, обычно ставится после определяемого слова.

8. Прилагательное со значением количества ставится перед определяемым словом.

9. Несогласованное определение (т. е. определение, выраженное родительным падежом имени существительного), ставится после определяемого слова. На русский язык оно переводится существительным в родительном падеже. При необходимости, несогласованное определение может быть заменено согласованным, выраженным прилагательным [4].

Особо стоит обратить внимание на дефиницию значения личного местоимения личным окончанием глагола. В отличие от русского и белорусского языков в латыни невозможна омонимия флексий (*я видел, ты видел...*), но за каждой личной формой закреплено свое окончание, которое не допускает разночтений (*videbam – я видел, videbas – ты видел...*). Однако при переводе таких форм в большинстве случаев необходимо уточнить значение местоимения, что зачастую вызывает сложности при переводе поэтических произведений, построенных на чередовании четкого определенного количества слогов.

Как уже отмечалось выше, конструкция простого предложения латинского языка может усложняться синтаксическими оборотами, трансформация которых требует особых навыков и происходит на уровне синтаксического членения и преобразования. Определим их состав, значение и способы перевода, особое внимание обращая на формы, входящие в состав оборотов и выполняющие определенную грамматическую и синтаксическую функцию. При наличии частных случаев отметим общие положения.

Accusativus cum infinitivo (винительный падеж с инфинитивом) – состоит из винительного падежа существительного или местоимения (выполняет функцию логического подлежащего) и неопределенного наклонения глагола (выполняет функцию логического сказуемого). Оборот представляет собой сложное дополнение к управляющему глаголу. Время инфинитива, формы которого не имеют тождественных грамматических соответствий в славянских языках, обозначают относительность действия оборота к управляющему глаголу. Оборот переводится придаточным дополнительным предложением с союзом *что*, или придаточным цели с союзом *чтобы*, причем винительный падеж передается именительным падежом, а неопределенная форма – личной формой глагола.

Pendentem ramis equitem (Acc. cum inf) quis crederet altis. – Кто поверил, **что повис** на высоких ветвях **всадник**.

Nominativus cum infinitivo (именительный падеж с инфинитивом) – употребляется в том случае, когда глаголы, от которых зависит оборот *accusativus cum infinitivo*, стоят в страдательном залоге в безличном значении. Оборот состоит из логического подлежащего в именительном падеже и логического сказуемого в неопределенной форме и выступает как сложное подлежащее сказуемого в страдательном залоге. Оборот преобразовывается также, как и винительный с инфинитивом, но при этом управляющий глагол переводится или глаголом действительного залога 3 лица множественного числа без подлежащего (глаголом в неопределенно-личном значении), или безличным глаголом.

Virgo, dei mater, cuius dum scribere nomen Hic vellem, pavidae contremuere manus (Nom. cum inf) – Дева, бога мать, чье имя написать Хотел бы, **хотя (когда, в то время как) неверные руки дрожали**.

Ablativus absolutus (творительный независимый) – выполняет функцию сокращенного придаточного обстоятельственного предложения. Логическое подлежащее оборота выражается существительным, прилагательным или местоимением и стоит в *ablativus* (творительном падеже); логическое сказуемое выражается причастием и согласуется с логическим подлежащим в роде, числе и падеже, при этом время причастия выражает одновременное или предшествующее действие.

Перевод данного оборота, при опоре на синтаксическое членение, требует более широкого, по сравнению с предыдущими конструкциями, синтаксического преобразования, т. к. возможностей перекодировки творительного самостоятельного несколько:

- 1) придаточное обстоятельственное предложение;
- 2) деепричастный оборот;
- 3) отглагольное существительное с предлогом.

Процесс перевода творительного самостоятельного также можно регламентировать:

- логическое подлежащее ставится в именительный падеж и становится подлежащим придаточного предложения;

- логическое сказуемое выражается личной формой глагола, причем его залог сохраняется, время сказуемого придаточного предложения зависит от времени глагола-сказуемого главного предложения;

- подбирается подходящий по смыслу союз.

Quamvis immoto corpore (Abl. abs) membra latent. – Хотя члены скрываются, **когда (в то время как) тело неподвижно/ при неподвижном теле**.

Таким образом, синтаксические конструкции, использующиеся внутри латинского простого предложения, практически всегда переводятся придаточным предложением дополнительным или обстоятельственным. В связи с этим можно говорить о концентрации семантики внутри простой текстовой единицы в латинском языке, и ее расширении по главной и придаточной частям при переводе. Это создает еще одну трудность при переводе метрического

латинского стиха, т. к. переводчику приходится увеличивать количество слов и, соответственно, слов ради передачи смысла такого оборота.

3) *Синтаксис сложного предложения.* Чёткость синтаксиса сложного предложения обеспечивается строго лимитированными правилами формального подчинения последовательности времён. Перевод сложного предложения в латинском языке предполагает все три типа синтаксических трансформаций – уподобление, членение и, как итог, позволяющий построить литературное высказывание, преобразование. При рассмотрении структуры сложного предложения в латинском языке речь идет, в первую очередь, о сложноподчиненных конструкциях, которые имеют свои специфические особенности. В первую очередь, необходимо отметить, что в придаточных предложениях употребляется по большей части условное наклонение, которое утратило свое значение и используется для выражения соотношения между действиями управляющего и придаточного предложения. Существует закономерность между употреблением времен в главном и придаточном предложениях – *правило согласования времен (consecutio temporum)*. Согласно этому правилу глагол-сказуемое в придаточном

предложении выражает предшествующее, одновременное или последующее действие по отношению к глаголу в главном предложении, при чем это относительно-временное значение выражается с помощью грамматических форм глагола. Некоторые из них не имеют тождественного соответствия при переводе, и поэтому их значение выражается только в контексте относительно главного предложения. При этом сослагательное наклонение латинского языка переводится изъявительным, а относительно-временное значение выражается с помощью определенных союзов (*когда, пока, до того времени, как только* и др.).

Придаточные предложения различных оттенков значения, которые по большей части совпадают с вариантами перевода, вводятся союзами, некоторые из которых могут употребляться в нескольких случаях и иметь, соответственно, несколько значений. Выбор значения союза, а значит, и всего придаточного предложения, зависит, в первую очередь, от контекста и, в некоторых случаях, от грамматической формы глагола-сказуемого. Принципы перевода сложноподчиненных предложений мы классифицируем именно исходя из возможных значений того или иного часто встречающегося подчинительного союза (табл. 2).

Таблица 2.

Употребление подчинительных союзов

Союз + глагольная форма		Значение придаточного предложения	Перевод
ut	+ indicativus	сравнительные	как
	+ conjunctivus praesentis/ imperfecti	цели	чтобы
		дополнительные	чтобы
		следствия	так что, что, чтобы
	+ conjunctivus praesentis/ perfecti	уступки	пусть, хотя бы
+ форма согласно правилу последовательности времен	времени	как только	
	относительные	который	
	пояснительные	что	
cum	+ indicativus	времени	когда, в то время как, после того как, всякий раз когда
	+ conjunctivus imperfectum/ plusquamperfectum		когда, в то время как, после того как,
	+ форма согласно правилу последовательности времен	причины	потому что, так как
		уступки	хотя бы, пусть, несмотря на то что
	пояснительные	что, тем что	
ne	+ conjunctivus praesentis/ imperfecti	цели	чтобы не
		дополнительные	что не, чтобы не
quin	+ conjunctivus praesentis/ imperfecti	дополнительные	что
postquam	+ indicativus (реальное действие)	времени	после того как
ubi			как только
simul	+ conjunctivus (возможное действие)		как только
dum			пока
priusquam			прежде чем
quod	+ indicativus/ conjunctivus	причины	так как, потому что
		пояснительные	что
si, nisi	+ форма в зависимости от значения	условные	если (б), если (б) не

Существуют и другие подчинительные союзы, встречающиеся гораздо реже указанных, семантика которых четко определена словарем и не имеет вариантов, и поэтому мы не приводили их в таблице 2. Кроме того, например, относительные придаточные предложения в большинстве случаев вводятся относительными местоимениями и наречиями, значения которых также четко зафиксированы в словарях. Основная трудность перевода сложноподчиненных предложений, как видно, заключается в трансформации грамматических форм согласно их синтаксической функции и наличию грамматических соответствий в языке перевода. При этом основной тип трансформации – синтаксическое преобразование.

Самая сложная из форм сложных предложений – *период*. Он образуется, когда придаточное предложение ставится впереди главного или когда несколько придаточных предложений вводятся в главное. Если период состоит из одного придаточного предложения и одного главного, то он называется *простым*. Если эти предложения распространяются посредством новых, и, в особенности, если эти новые предложения вплетаются в прежние, то такой период называется *сложным* [3, с. 387]. Современным славянским языкам, особенно их разговорным вариантам, не свойственна периодическая речь. Многие формы сложных латинских периодов нельзя перевести буквально. Основной прием перевода сложных периодов – его членение на мелкие предложения. При этом необходимо:

- определить главное предложение и форму его глагола-сказуемого;
- выделить придаточные части, ориентируясь на подчинительные союзы;
- определить формы глаголов-сказуемых в придаточных частях;
- разбить период на части в зависимости от предикативных основ;
- перевести главное предложение, затем переводить придаточные, определяя их взаимосвязи.

Важно учитывать, что предложение, будучи придаточным по отношению к одному, может являться главным относительно другого. Межъязыковая перекодировка периода – самый сложный и трудоемкий процесс синтаксической трансформации, который должен включать в себя все три типа – уподобление, членение и преобразование. При этом, переводя художественный текст на этапе синтаксического преобразования, переводчику зачастую придется добиваться семантической эквивалентности за счет некоторых грамматических и синтаксических изменений. В плане синтаксической структуры периоды при переводе чаще всего разбиваются на мелкие предложения, что облегчает восприятие смысла. Это происходит как в прозаической, так и в поэтической речи.

Таким образом, при переводе латиноязычного художественного текста наряду с выявлением грамматических и лексических соответствий необходимо обращать внимание на трансформацию

синтаксической структуры предложения. В связи с вышеуказанными особенностями, невозможно перевести латинское предложение, следуя порядку слов и грамматическим формам. Поэтому мы предложили структурировать перевод высказывания и разделить его на три этапа: синтаксическое уподобление, членение и преобразование. Дифференциация и взаимодействие этих прагматических элементов перевода позволит создать художественное произведение, выполняющее не только информационно-коммуникативную, но и эстетическую функцию.

Литература

1. Найда, Ю.А. Анализ значения и составление словарей / Ю.А. Найда // Новое в лингвистике. – 1962. – Вып. 2 – С. 45–71.
2. Комиссаров, В.Н. Введение в современное переводоведение / В.Н. Комиссаров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguistic.ru>. – Дата доступа: 12.04.2006.
3. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман // Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14 – 285.
5. Joannes, Visliciensis. Bellum prutenum = Ян Вісліці. Прусская війна: на латинській і беларускій мовах / Visliciensis Joannes; уклад., перекл., камент. Ж.В. Некрашэвіч-Кароткай. – Мінск : Прапілеі, 2005. – 234 с.
6. Соболевский, С.И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: морфология и синтаксис: учебник для вузов / С. И. Соболевский (фотографическое издание) – СПб.: Алетейя, 1998. – 430 с.
7. Тананушко, К.А. Краткая грамматика латинского языка / К.А. Тананушко // Philologia classica. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://graecolatini.narod.ru>. – Дата доступа: 28.08.2005.
8. Валашчук, М.У. Латинская мова: вучэбны дапаможнік / М.У. Валашчук, В.М. Валашчук, І.І. Груль; пад агул. рэд. М.У. Валашчук. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 394 с.
9. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі: на латін., беларус., рус. мовах. – Мінск : Маст. Літ., 1980. – 190 с.
10. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі; пер. У. Шатона. – Мінск , 1994. – 50 с.
11. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 846 с.
12. Кацман, Н.Л. Методика преподавания латинского языка / Н.Л. Кацман. – М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 2003. – 256 с.

Поступила в редакцию 11.10.2006.

Митюкова Елена Анатольевна, аспирант кафедры русского и белорусского языков с методикой преподавания, старший преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии БрГУ им. А.С. Пушкина. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского и белорусского языков с методикой преподавания БрГУ В.И. Сенкевич.

The problems under study deal with the main methods of translation into the Belarusian language the syntactical Latin structure. The article underlines special construction of original and translating texts. The author proposes the algorithm of application of the linguistic modes to optimize the process of translinguistic text transformation.